

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЭКОНОМИКИ, О ХАРАКТЕРЕ РЕФОРМАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

Ю. М. Григорьян

Обзорная статья О. Г. Чайковской «Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет», опубликованная в № 12 журнала «Вопросы истории» за 1956 г., и появившиеся в 1957 г. две ответные дискуссионные статьи М. М. Смирин и А. Д. Эпштейна¹ выявили различные, подчас даже диаметрально противоположные точки зрения по ряду принципиально важных проблем. Правильное разрешение вопроса о Реформации и Крестьянской войне, как уже справедливо отмечалось, требует предварительного выяснения и всестороннего изучения всего комплекса еще недостаточно разработанных вопросов, связанных прежде всего с социально-экономическим развитием предреформационной Германии.

Во всех трех дискуссионных статьях вопросы экономики Германии конца XV и начала XVI в. занимают по праву видное место. Помимо торговли, рассматриваются и отдельные отрасли промышленности, в частности горная и текстильная, имевшие в стране большое народнохозяйственное значение. Именно в этих отраслях промышленности наряду с судостроением и мореплаванием, которое «было определено буржуазным промыслом»², раньше всего зародились капиталистические отношения. С этой точки зрения представляет несомненный интерес дискуссионная статья М. М. Смирин, поскольку в ней говорится о развитии текстильной и горной промышленности. Последней посвящена добрая половина статьи М. М. Смирин. Можно было бы ожидать, что в ней найдут свое отражение основные процессы развития горной промышленности.

В действительности же статья М. М. Смирин в части, касающейся горного дела в Германии, не только вызывает серьезные возражения, но, с нашей точки зрения, почти не дает материала для суждения о характере Реформации и Крестьянской войны. Простая констатация уже довольно широко и давно известного факта наличия капиталистических отношений в горной промышленности сама по себе, конечно, недостаточна.

Для решения вопроса необходимо выяснить степень зрелости этих капиталистических отношений, социальный облик горнопромышленников, про- или антифеодальные устремления этого слоя зарождавшейся буржуазии и другие факторы. Ряд серьезных пробелов, более того, ошибочных положений в анализе развития горной промышленности, содержащихся в этой статье М. М. Смирин, отчасти объясняется, по-видимому, тем, что она основана на использовании слишком ограниченных и, как

¹ М. М. Смирин. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 82—101; А. Д. Эпштейн. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции. «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 118—142.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 442; см. также К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 917.

правильно отметил А. Д. Эпштейн, специфических источников, даже самый тщательный анализ которых вряд ли позволит сделать какие-либо серьезные обобщения социально-экономического характера.

Ведь, например, труды Георга Бауэра, известного в литературе под латинизированной фамилией Агрикола, особенно его работа «De re metallica», в которой был обобщен весь мировой опыт техники горного дела, знакомят нас главным образом с научно-технической мыслью того времени. Однако при всей своей чрезвычайной ценности труды эти все же не дают возможности правильно представить себе ряд важнейших явлений и процессов, протекавших в этой отрасли промышленности, на что отчасти обратил внимание сам М. М. Смирин (стр. 92). Что касается другого источника, «Горной хроники Майсена» Петра Альбина, то М. М. Смирин некритически подошел к нему. Большая часть приводимых Альбином цифр, на которые иногда опирается М. М. Смирин, уже давно признана сильно преувеличенной³. И с этим, конечно, нельзя не считаться при знакомстве с работой Альбина.

Непонятно и то, на каком основании в статье, где рассматривается горная промышленность Германии, упоминаются источники по горному делу Чехии (стр. 86, 87, 90).

Между тем весьма ценные первоисточники, непосредственно касающиеся горного дела Германии и опубликованные в значительном количестве немецкими учеными еще в конце XIX и первых десятилетиях XX в.⁴ (таковы, например, многочисленные горные статуты Саксонии и Гарца, бухгалтерская отчетность по предприятиям крупных горнопромышленников и статистические данные), М. М. Смирин не только не использованы, но даже и не названы. Литература, привлекаемая автором, как уже справедливо отмечалось, неудачно подобрана.

Труды Матчоса, Дармштетера и особенно Кёчке, на которые ссылается М. М. Смирин, вряд ли можно считать специальными работами по истории горной промышленности. М. М. Смирин не были использованы исследования Я. Штридера, Л. Шойермана, О. Зема, Т. Вернера⁵ и многих других немецких ученых новейшего времени, не говоря уже о многочисленных трудах немецких историков и экономистов XVIII—XIX веков. Автор обходит молчанием и труды советских исследователей⁶.

Горной промышленности предреформационной Германии некоторое место уделено и в статьях А. Д. Эпштейна и О. Г. Чайковской. Ряд положений упомянутых авторов вызывает серьезные возражения.

³ В. Зомбарт. Современный капитализм. Т. 1. Изд. 1-е. М. 1903, стр. 260.

⁴ См., например, «Codex diplomaticus Saxoniae Regiae». Hrsg. von Posse und Ermisch. Bd. 12—14. II. Hauptteil. Urkundenbuch der Stadt Freiberg in Saxen. Leipzig. 1883—1886 (в дальнейшем: «Codex»; «Das sächsische Bergrecht des Mittelalters». Hrsg. von H. Ermisch. Leipzig. 1887; «Urkundenbuch des Mansfelder Bergbaus». Hrsg. von W. Mück Eisleben. 1910; «Das Mansfelder Bergrecht und seine Geschichte» Hrsg. von W. Möllenberg. Wernigerode. 1914. Ряд ценных первоисточников опубликован в виде приложений к следующим монографиям: St. Worms. Schwazer Bergbau im 15. Jahrhundert. Wien. 1904; M. Jansen. Die Anfänge der Fugger. Leipzig. 1907; его же. Jacob Fugger der Reiche. Studien und Quellen. Leipzig. 1910; J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, Kartelle, Monopole Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München und Leipzig. 1925 (в дальнейшем: J. Strieder. Studien); L. Scheuermann. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten. München und Leipzig. 1929.

⁵ O. Sehm. Der Silberbergbau zu Annaberg bis zum Jahre 1500. Annaberg. 1933; Th. G. Werner. Das fremde Kapital im Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts. «Neues Archiv für sächsische Geschichte und Altertumskunde». Bd. 57, Heft 2. Dresden. 1936. S. a. Bd. 58.

⁶ См., например, М. П. Лесников. Ранний европейский капитализм XV и XVI вв. Промышленный капитал XV и XVI вв. «Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время». Под ред. В. П. Волгина. М.-Л. 1929, стр. 49—77, 101—108; Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М. 1954, стр. 335—340; С. В. Шухардин. Георгий Агрикола. М. 1955, и др.

Если М. М. Смирин в подтверждение своего мнения о бурном экономическом подъеме Германии слишком, как нам кажется, преувеличивает уровень развития горной промышленности, то О. Г. Чайковская, отрицая наличие экономического подъема и буржуазной революции в Германии, напротив, явно преуменьшает его.

Исследование истории горной промышленности Германии в конце XV — первой половине XVI в. на основе более широкого круга первоисточников и критического использования специальной литературы, особенно новейшей, позволяет осветить некоторые важнейшие стороны развития горной промышленности в большем соответствии с действительным положением вещей и правильно понять сущность и историческое значение наблюдаемых процессов и явлений.

С конца XV в. горная промышленность Германии переживала значительный подъем. Необходимым условием успешного развития горного дела послужили прежде всего благоприятные природные условия Германии, наличие богатейших рудных месторождений. В конце XV и в первой половине XVI в. Германия по запасам и добыче руд занимала, как известно, ведущее место в Европе. По добыче серебра Германия стояла на первом месте в мире.

Об этом свидетельствуют следующие данные⁷:

Ежегодная (в среднем) добыча серебра (в весовых марках)

Страны	1493—1520 годы	1521—1544 годы
Германия	122 580	170 090
Остальные страны Западной Европы	76 510	76 510
Мексика	—	14 620
Перу	—	117 390

С конца XV в. в горной промышленности Германии наблюдался заметный рост производительных сил, выразившийся, в частности, в значительном техническом прогрессе. Если в XI—XII вв. добыча руды, как правило, производилась открытым способом, непосредственно из ям небольшой глубины киркой и лопатой, то с XIII столетия началось строительство шахт и штолен. В XV—XVI вв. шахта и штольня — неотъемлемый и важнейший элемент всех крупных разработок. Само собой разумеется, что с переходом на эксплуатацию более глубоких горизонтов такие трудоемкие работы, как подъем, водоотлив и вентиляция, не могли уже осуществляться при помощи только человеческой силы; в XVI в. они выполнялись уже механическими установками, основанными на силах природы и силе животных. Постепенно в производство внедрялись рудоподъемные, водоотливные, вентиляционные, рудодробильные и другие сооружения разнообразных типов, детальное описание которых дано в книге Агриколы «О горном деле и металлургии». Данные источников убедительно свидетельствуют о заметных успехах в технике горного дела в конце XV и в XVI в. по сравнению с предшествующим периодом. Тем не менее в этот период, говоря словами Маркса, «машина в общем и целом все же продолжает играть... второстепенную роль»⁸.

С прогрессом техники неразрывно были связаны глубокие изменения в экономическом строе горных промыслов в XVI в. — капиталистическая реорганизация предприятий. Для того, чтобы отчетливо представить себе

⁷ Таблица составлена по известным данным А. Soetbeer. Edelmetallproduktion und Wertverhältnisse zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Americas bis zur Gegenwart. «Petermanns Mitteilungen». Ergänzungsband XIII. 1879—1880. Gotha. 1880. 22, 27, 31, 107; см. также «Geschichte in der Schule». 6. Jahrgang. Heft 2. Berlin 1953, S. 82; Дж. Лупцато. Экономическая история Италии. М. 1954, стр. 311. Одна кельнская весовая марка делилась на 16 лот и равнялась 233,8 грамма. Венская марка весила 280,668 грамма.

⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 356.

эти изменения, следует ознакомиться с предшествующими, более ранними формами организации добычи руды.

Еще в первой половине XV столетия разработка рудных месторождений велась, как правило, либо группами рудокопов, по выражению Энгельса, «объединенными в артели работниками»⁹, либо отдельными горняками — «старателями». Все горняки в источниках обозначены терминами «bergmann», «hauer», «geselle», «knarre», но чаще всего «gewerke».

Горнодельческие артели объединяли, как правило, 40—50 человек¹⁰. Масштаб производства таких артелей являлся чрезвычайно низким. Например, в районе Гольдшмиден (близ Фрайберга) горнодельческая артель добывала в неделю всего лишь от 6 до 8 марок чистого серебра¹¹. Размер добычи каждого рудокопа обычно ограничивался таким количеством, реализация которого должна была обеспечить лишь прожиточный минимум его семьи¹².

Кроме горнодельческих артелей, другой организационной формой добычи руды являлось «старательство». «Старатели»-одиночки чаще всего упоминаются в источниках под терминами «бедный человек» (arm man), «бедный работник» (arm geselle)¹³. Близки по своему экономическому положению к «старателям» и так называемые Lehenhauer¹⁴. Подробными данными о них за этот период мы не располагаем.

Наконец, помимо упомянутых нами форм организации добычи, которые предусматривали личное участие рудокопов в разработке месторождений, имелись владельцы горных и горнометаллургических предприятий, использовавшие наемный труд¹⁵. Судя по источникам, таких предприятий было в рассматриваемый период немного.

Таким образом, в первой половине XV в. производство в основном было сосредоточено в руках мелких самостоятельных производителей. Господствующими организационными формами производства являлись предприятия, по существу, ремесленного типа.

Однако примерно к концу 70-х годов XV в. мелкие предприятия ремесленного типа постепенно перестали играть сколько-нибудь значительную роль в общем объеме производства. С этих пор производство начало сосредоточиваться в основном на крупных рудниках, все чаще возникали относительно крупные предприятия мануфактурного типа. Их возникновение было закономерным следствием указанного выше роста производительных сил, перераставших узкие рамки ремесленного производства. Новые, выросшие производительные силы требовали и новых производственных отношений.

Новая сложная для того периода техника требовала значительных капиталовложений. Для приобретения топлива и вспомогательных материалов, оплаты рабочей силы были необходимы значительные денежные средства¹⁶. Этим в значительной степени и объясняется тот факт, что в

⁹ Ф. Энгельс. Дополнения к III тому «Капитала». См. К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 917.

¹⁰ «Codex», № 1031, S. 161—162.

¹¹ «alzo das daz ertz sie (то есть горняки.— Ю. Г.)erbuwet hadten, das galt eine wochen VI ader VIII marg». «Codex», № 1012, S. 122.

¹² «ab sie wol redelich silber gewynnen konden, so hawen sie des doch nicht mer. denne das sie wochelich in yre narunge daran habin». «Codex», № 1031, S. 163.

¹³ «Codex», № 1030, S. 155.

¹⁴ «Das sächsische Bergrecht des Mittelalters», S. 18, § 22.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В качестве примера можно привести построенную в 1554 г. в Эрбштолене (Швац-Тироль) водоотливную установку, которая обошлась в 9860 рейнских гульденов (M. Isser-Gaudententhurm. Schwazer Bergwerksgeschichte. «Berg-und Hüttenmännisches Jahrbuch». Bd. 52. Heft IV. Wien. 1904, S. 435). Более мощные сооружения обходились в 12—15 тыс. гульденов (J. Sperges. Tirolische Bergwerksgeschichte. Wien. 1765, S. 323. См. также E. Burisch. Der Bergherr Jacob Fugger der Reiche. «Bergfreiheit», 1956, № 10, S. 397). Один лишь монтаж подобных установок стоил 4 тыс. флоринов (1 флорин равен примерно

процессе образования крупных предприятий мануфактурного типа торговый и ростовщический капитал сыграл очень большую роль, гораздо большую, чем в какой-либо другой отрасли промышленности.

Поэтому глубоко неверными представляются нам рассуждения О. Г. Чайковской о том, что якобы проникновение торгового капитала в горные промыслы препятствовало развитию промышленного производства (стр. 141). Источники, вопреки утверждению О. Г. Чайковской, свидетельствуют о весьма значительной роли торгового капитала в складывании капиталистических отношений в горной промышленности. Об этом довольно подробно сказано в той самой диссертации, на которую О. Г. Чайковская ссылается (стр. 140). Отдельные, по ее выражению, «прекрасные примеры» (стр. 141) не могут заслонить столь отчетливо наметившегося и довольно интенсивно протекавшего процесса перехода купцов и банкиров к собственно промышленной деятельности. Именно они чаще всего становились крупными предпринимателями в горной и металлургической промышленности Германии в конце XV и в XVI веке.

На наш взгляд, можно было бы заметить три пути проникновения денежного капитала купцов и банкиров в горные промыслы Германии и возникновения в связи с этим крупных предприятий. Прежде всего широкий путь открывался в связи с откупом у владельца горной рудации, то есть у территориального государя, его прав на определенную долю добычи металлов. В этом случае купец или банкир, ссужавший владельца, получал в качестве гарантии за предоставленный кредит право скупки металлов у горнозаводчиков. В дальнейшем купцы и банкиры переходили к промышленному предпринимательству либо путем скупки рудников или паев предприятий, либо путем непосредственного строительства новых предприятий.

Первый путь был характерен для тирольского горнопромышленного района. В XV—XVI вв. тирольские государи, испытывая острые финансовые затруднения в связи с войнами, часто обращались за займами к крупным купцам и банкирам. Так, еще в середине XV в. постоянным кредитором Сигизмунда Тирольского выступал аугсбургский торговый дом «Людвиг Майтинг»¹⁷. С конца 80-х годов одним из основных кредиторов правителей Тироля стал крупнейший в то время торговый дом Фуггеров¹⁸.

Первая более или менее крупная денежная сделка Фуггеров с эрцгерцогом, связанная с откупом металлов, относится к 1487 г. (когда Сигизмунду была предоставлена денежная ссуда под залог горнозаводской продукции). Предоставление подобного рода ссуд, связанных со скупкой кредиторами горнозаводской продукции Тироля, судя по многочисленным договорам, происходило и в течение первых десятилетий XVI века.

Уже в 1515 г. серебро и медь Тироля были запрошены крупным банкирам на несколько лет вперед¹⁹. Однако для нас важна не столько сама констатация факта финансовой зависимости казны от банкиров, сколько то, что предоставление ссуд так или иначе открывало широкий путь для вторжения представителей денежного капитала в область собственно промышленного производства. Так, Фуггеры с 1522 г. стали уже горнопромышленниками²⁰. В этом году они приобрели у задолжавшего им боль-

1 рейнскому гульдону) (О. Норре. Der Silberbergbau zu Schneeberg bis zum Jahre 1500. Heidelberger Dissertation. 1908, S. 99). Фонд заработной платы на горных предприятиях Фуггеров в Тироле составлял несколько тысяч флоринов (M. Wolfstrigl-Wolfskron. Der Tiroler Erzbergbau (1301 bis 1665). Innsbruck. 1903, S. 98).

¹⁷ См., например, St. Worms. Указ. соч., стр. 69; J. Strieder. Jacob Fugger der Reiche. Leipzig. 1926, S. 42; R. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Bd. 1. Jena. 1922, S. 187.

¹⁸ Hans Jacob Fugger. Gemeine Ehrenbuch des Fuggerischen Geschlechtes. 1546. Частично опубликована у M. Jansen. Die Anfänge der Fugger, S. 71—78.

¹⁹ R. Ehrenberg. Указ. соч. Т. 1, стр. 95.

²⁰ J. Strieder. Studien, S. 27; см. его же. Jacob Fugger der Reiche, S. 42, 105; M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 40.

шую сумму крупного купца и горнозаводчика Ганса Баумгартнера-старшего его пай в горных предприятиях Шваца, Линца и Раттенберга, а также металлургические предприятия в Куфштейне²¹.

Как мы видим, в данном случае Фуггеры стали владельцами предприятий путем присвоения залога непогашенной ссуды. В дальнейшем, в 30—50-х годах, они начали и сами строить горные и металлургические предприятия.

В 1565 г. Фуггеры стали одним из трех членов образованной в этом году Иенбахской компании по добыче руды в Тироле и Каринтии²². К этому времени у них были пай в 108 рудниках Тироля общей стоимостью 114 422 флорина. В 70-х годах XVI в. Фуггеры скупили предприятия своих обоих обанкротившихся компаньонов, в 1574 г. — предприятия компании Гауга, а в 1578 г. — компании Катцбек — Манлих²³. С этих пор Фуггеры стали самыми крупными горнопромышленниками Тироля и Каринтии.

О крупном масштабе предприятий Фуггеров в Тироле в 80-х годах XVI в. свидетельствуют громадные по тому времени капиталовложения. Последние на протяжении 1585 г., судя по бухгалтерской отчетности за этот год²⁴, составили в рудниках Тироля 133 005 флоринов. Велик был и объем добычи: в том же году стоимость руды, добытой на принадлежавших Фуггерам рудниках Фалькенштейна, Эрбштолена, Циллера, Рорербюгеля, Раттенберга и Штерцинга, составила 110 486 флоринов. На горных предприятиях Фуггеров использовался труд тысяч наемных рабочих. По данным архива Иннсбрука, в 1583 г. в рудниках Рорербюгеля было занято 1 547 рабочих, а в рудниках Фалькенштейна (1589 г.) — 4 490 рабочих²⁵; все они работали на предприятиях Фуггеров, так как последние к этому периоду являлись единоличными владельцами рудников в указанных районах.

Другим путем внедрения торгового капитала была «Verlagsystem», то есть предоставление купцами денежных средств отдельным нуждавшимся горнопромышленникам с правом скупки у них всего или части производимого на их предприятиях металла. Нередко предприятия подобных горнопромышленников закладывались под обеспечение ссуды и ввиду неплатежеспособности должников переходили в собственность кредиторско-скупщиков, которые в дальнейшем становились предпринимателями. Этот второй путь проникновения торгового капитала в горные промыслы получил широкое распространение в Саксонии и в металлургической промышленности Гарца.

О широком размахе кредитно-скупочных операций отдельных купцов свидетельствует, например, тот факт, что крупный лейпцигский купец Михаэль Пуфлер в первой половине XVI в. являлся кредитором горнозаводчиков и одновременно скупщиком олова почти во всех крупных районах добычи олова в Саксонии: в Альтенберге, Аннаберге, Гайере, Бернштейне и других городах²⁶.

Предоставление денежных средств горнопромышленникам осуществлялось не только отдельными купцами, но и купеческими компания-

²¹ J. Strieder. Studien, S. 310; F. Dobel. Über den Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger in Kärnten und Tirol (1495—1560). «Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg». Augsburg, 1882, № 9, S. 202.

²² L. Scheuermann. Указ. соч., стр. 147.

²³ Там же, стр. 204—205; см. также J. Strieder. Studien, S. 49; F. Dobel. Указ. соч., стр. 213.

²⁴ Опубликована у L. Scheuermann. Указ. соч., стр. 262—273, 277—278, 288—289.

²⁵ M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 212; J. Strieder. Studien, S. 40.

²⁶ J. Strieder. Studien, S. 228, 237, 241, 255; см. также Anhang. Dok. № 16, S. 420; № 20, S. 431—432, № 32, S. 436—437.

ми²⁷. Судя по горным уставам конца XV и первой половины XVI в.²⁸, роль купцов и торговцев металлами в горных промыслах была весьма значительной. Однако предоставление ссуд и скупка металлов нередко являлись, как уже было сказано, лишь определенной ступенью в переходе купцов к промышленному предпринимательству. В качестве типичного примера этого явления можно привести лейпцигского купца Бартеля Бухфюрера, который в 1515 г. приобрел предприятия некоторых альтенбергских горнозаводчиков, своих разорившихся должников²⁹. В дальнейшем наследники Б. Бухфюрера являлись уже крупными горнопромышленниками, не оставлявшими, однако, и торговой деятельности³⁰. Подобным же образом, то есть путем присвоения залога непогашенной ссуды, промышленные предприятия приобретались и купеческими компаниями³¹.

5 Рассмотрим, наконец, третий путь проникновения денежного капитала в горные промыслы — участие купцов в горных паевых товариществах («Gewerkschaft»). Тут были не обязательны какие-либо предварительные торгово-ростовнические операции купцов. В этом случае купцы непосредственно становились горнозаводчиками путем приобретения паев горных товариществ или скупки даже целых предприятий частных лиц. Капитал товариществ слагался из суммы вступительных взносов его членов и делился обычно на 128 паев, или кукс (Kux, Bergteil). Пайщиками горных паевых товариществ являлись большей частью отдельные крупные купцы и советы городов.

В качестве пайщиков некоторые из купцов — членов городских советов и бургомистров — владели сотнями паев, иногда целыми рудниками. В этом отношении особенно выделялись купцы Лейпцига³².

Масштабы производства товариществ представляются довольно значительными. Например, судя по статистическим данным первоисточников³³, капитал товарищества «Рехте Фундгрубе» (Шнееберг-Саксонский) в 1477 г. составлял 307 200 флоринов. С 20 августа 1485 г. по 14 сентября 1489 г. объем добычи на предприятиях этого товарищества составил 2 833 весовые марки серебра.

Прибыль товарищества «Альте Фундгрубе» в 1477 г. составила, по нашим подсчетам, 107 508 флоринов³⁴. Хотя у нас нет данных о количестве рабочих, занятых на подобных предприятиях, но разве не ясно, что такие значительные масштабы производства были бы невыслымы без использования сотен и даже тысяч наемных рабочих?³⁵

Таким образом, исследованный нами материал о проникновении в горные промыслы денежного капитала свидетельствует о том, что к рассматриваемому времени в горной промышленности Германии довольно отчетливо наметилась тенденция превращения торгово-ростовнического капитала в капитал промышленный.

При всем различии форм проникновения денежного капитала в горные промыслы они (и в этом смысле М. М. Смирин совершенно прав) выражали собой общее направление экономической эволюции горных про-

²⁷ J. Strieder. Studien Anhang. Dok. № 16, S. 420—424; см. также стр. 129, 214, 218, 237.

²⁸ См., например, горные уставы Мансфельда. W. Möllenberg. Das Mansfelder Bergrecht und seine Geschichte. Wernigerode. 1914.

²⁹ J. Strieder. Studien, S. 228.

³⁰ Там же, стр. 255; см. также Anhang. Dok. № 29, S. 449.

³¹ Там же, стр. 214, 218.

³² E. Kroker. Leipzig und die «Alte Fundgrube» in Schneeberg. «Leipziger Kalender», 1909, S. 134; см. также Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 125.

³³ Опубликовано в приложении к диссертации Е. Норре. Указ. соч., Anhang. Dok. № XIII, S. 150—154.

³⁴ Там же. Anhang. Dok. № XIV, S. 155.

³⁵ Предмет дискуссии и тема статьи не позволяют нам, к сожалению, остановиться на некоторых разногласиях с М. М. Смириным по вопросам взаимоотношений предпринимателей с рабочими, участия первых в производстве, управления горными предприятиями (горная администрация).

мыслов — возникновение относительно крупных, по существу, капиталистических предприятий мануфактурного типа.

До сих пор мы ограничивались рассмотрением лишь внутренних процессов, протекавших, так сказать, в глубинах экономического строя горных промыслов. Теперь необходимо остановиться на некоторых факторах внешнего порядка, которыми обычно сопровождалось зарождение и развитие капиталистических отношений, факторах, которые сами являются лишь следствием сдвигов в экономическом строе горных предприятий и вместе с тем свидетельствуют о действительно успешном развитии горной промышленности.

На основе новой техники открылись возможности более обширных горных разработок, что привело к возникновению совершенно новых горнопромышленных районов, вокруг которых нередко вырастали целые «горные города». Так, вскоре после обнаружения богатейших запасов серебра в Шнееберге (Саксония) в 1471 г. последний стал одним из крупнейших районов добычи серебра в Германии. Уже к 1477 г. здесь было построено 153 рудника, а к 1503 г. их число дошло до 178³⁶. В другом районе Саксонии, близ Шрекенберга, в 1496 г. (а не в 1497 г., как полагает М. М. Смирин), то есть спустя примерно 4 года после начала разработок (22 октября 1492 г.), возник город Аннаберг. К 1500 г. здесь насчитывалось 75 рудников, а к концу первой четверти XVI в. имелось уже 700 рудников, 37 предприятий по дроблению руды, 11 промывален и 14 плавильных³⁷. В 1519 г. недалеко от Аннаберга началась разработка вновь найденных богатых месторождений серебра, а уже через 2 года здесь вырос город Мариенберг. Таким же путем в начале 20-х годов XVI в. возник город Андреасберг (Гарц)³⁸ и много других.

Сказанное выше не дает, однако, по нашему мнению, оснований преувеличивать рост горных городов, как это делает М. М. Смирин. Приводимое им сообщение Альбина о том, что в 1533 г. в районе Готтесгаба вскоре после обнаружения там рудных залежей «в один день выделено было для постройки домов больше 620 участков» (стр. 87), никак не может свидетельствовать о росте горных городов, ибо участки — это, конечно, далеко еще не дома. В действительности города росли в то время довольно медленно. Например, Мариенберг спустя 10 лет после своего основания имел всего лишь 280 домов³⁹.

Возникновение новых и более интенсивная эксплуатация старых горнозаводских районов сопровождалась увеличением горнопромышленного населения. Как раз оно росло с необычайной для того периода быстротой. Так, если в середине XV в. на рудниках Фрайберга было занято всего 250 горнорабочих, то спустя сто лет, то есть ко времени расцвета горных промыслов, здесь насчитывалось уже от 5 до 6 тыс. горняков. В это же время рудники Шваца насчитывали 12 500 горнорабочих⁴⁰. В целом в первой половине XVI в. численность горнорабочих Германии составляла несколько сот тысяч человек⁴¹.

³⁶ O. Норре. Указ. соч., Anhang. Dok. № XIII, S. 150—154; Dok. № XVI, S. 158—159.

³⁷ S. Sieber. Zur Geschichte des Erzgebirgischen Bergbaues. Halle. 1954, S. 28, 29; см. также Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 119.

³⁸ Chr. Melzer. Bergläufige Beschreibung der churfürstlich sächsischen und im Meißnischen Obererzgebirge löbliche Bergstadt Schneeberg. Schneeberg. 1684, S. 678; E. Geiß. Die Entwicklung der kapitalistischer Organisationsformen in deutschen Erzbergbau im Ausgang des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit. Dissertation. München. 1927. S. 57. См. также O. Hüе. Die Bergarbeiter. Historische Darstellungen des Bergarbeiterverhältnisses von der ältesten bis in die neueste Zeit. Bd. I. Stuttgart. 1910, S. 146.

³⁹ G. E. Benseler. Geschichte Freibergs und seines Bergbaues. Freiberg. 1853,* S. 743.

⁴⁰ «Codex». S. 150; J. Gmelin. Beiträge zur Geschichte des deutschen Bergbaus Halle. 1783, S. 288; M. Isser. Указ. соч., стр. 438.

⁴¹ См. известный Толедский указ императора Карла V от 13 мая 1524 года (J. Strieder. Studien, S. 375—381).

Если, как правильно отмечает А. Д. Эпштейн, М. М. Смирин преуменьшает численность горнорабочих Германии, то сам А. Д. Эпштейн иногда слишком преувеличивает количество рабочих на отдельных предприятиях. Он считает, будто рудник в Фалькенштейне «насчитывал в 1526 г. 4 596 рабочих, в 1554 г.—7 460, а в 1589 г.—только 4 490» (стр. 137); между тем численность рабочих даже на современном крупном руднике обычно не превышает 3 тысяч человек. Хотя неизмеримо более низкая техника XV—XVI вв. по сравнению с механизированным и автоматизированным производством наших дней и требовала значительно большего числа рабочих, все же вряд ли отдельный средневековый рудник насчитывал тысячи рабочих. Приведенные А. Д. Эпштейном цифры, заимствованные им у Штридера, по-видимому, требуют некоторых разъяснений. Указанное количество рабочих было занято не на одном руднике, а в десятках рудников Фалькенштейна, этого, несомненно, крупнейшего горнопромышленного района Тироля. В середине 60-х годов XVI в. здесь насчитывалось 39 рудников⁴³.

Рассматривая вопрос о притоке населения в горнопромышленные районы, М. М. Смирин пишет: «...быстрый рост горных городов Верхней Саксонии в конце XV и в первые десятилетия XVI в. имел своей основой стремление к предпринимательству с целью быстрого обогащения. Чувство стяжательства охватило многих направившихся в эти места людей, приобретающих во вновь основанных городах участки для постройки домов и становившихся хозяевами — держателями (? — Ю. Г.) горных промыслов (Gewercken)» (стр. 87).

Следует, однако, иметь в виду, что лишь немногие из стекавших в горные города лиц становились горнопромышленниками. Ведь термином «Gewercke» в источниках обозначаются не только предприниматели (пайщики крупных горных товариществ или единоличные владельцы предприятий), но и члены еще издавна существовавших мелких горнодельческих артелей рудокопов, являвшиеся непосредственными производителями, а иногда и «старатели». Нам представляется, что необходимо четко различать по меньшей мере два потока людей в горных промыслах: обладателей крупных денежных средств, которые в погоне за богатством перешли к промышленному предпринимательству, и массу непосредственных производителей (ремесленников, беглых крестьян), стекавших в эти города в поисках заработка и становившихся в большинстве случаев наемными рабочими, иногда членами горнодельческих артелей рудокопов и лишь в очень редких случаях — пайщиками крупных горных товариществ. Но и в этом случае несколько более или менее разбогатевших рудокопов сообщая вносили паевой капитал.

Само собой разумеется, возникновение новых промышленных центров и рост числа горнорабочих, в свою очередь, содействовали увеличению объема добычи металлов. В этом отношении наиболее показательны цифры роста добычи серебра в Саксонии и Гарце⁴⁴. Не менее красноречивы данные источников о неуклонном росте добычи меди, например, в рудниках Рингенвекселя и Фалькенштейна⁴⁵.

Рассмотренные выше явления, свидетельствующие о бурном развитии горной промышленности, были бы совершенно немислимы в условиях прежнего, мелкого производства; они были неразрывно связаны с суще-

⁴³ L. Scheuermann. Указ. соч., стр. 147.

⁴⁴ Данные средней ежегодной добычи серебра (в весовых марках):

Годы	Саксония	Верх. Гарц
1495—1520	25 720	11 430
1521—1544	38 040	14 000

(См. A. Soetbeer. Указ. соч., стр. 21).

⁴⁵ M. Isser. Указ. соч.; «Berg-und Hüttenmännisches Jahrbuch». Bd. 53, Heft I. Wien. 1905, S. 44—45; Bd. 52, Heft IV. Wien. 1904, S. 422.

ственными сдвигами в самом характере производства, которые выразились в возникновении крупных предприятий, организованных уже на иных, новых, капиталистических началах.

Знакомство с экономической организацией крупных горных предприятий позволяет видеть в них предприятия типа централизованной мануфактуры. Менее всего тут приходится говорить о рассеянной мануфактуре. Сама специфика рассматриваемой отрасли промышленности, где процесс производства требовал известной централизованности, применения крупных сооружений и использования в одном месте большого числа рабочих, исключала возможность возникновения рассеянной мануфактуры. Крупный рудник представлял собой предприятие органически единое, технически концентрированное, исключавшее его расчленение на самостоятельные ремесла и требовавшее комбинации, взаимодействия рабочих и применения механизмов. В этой связи вызывают возражения некоторые положения, выдвинутые О. Г. Чайковской и А. Д. Эпштейном.

Утверждение О. Г. Чайковской о том, что рабочие горнорудных предприятий «большой частью были владельцами добытой руды (или выплавленного металла)», что «производственная основа» этих предприятий «была раздроблена» и, таким образом, в горной промышленности имела место не централизованная, а рассеянная мануфактура (стр. 140), является ошибочным.

А. Д. Эпштейн, пытаясь объяснить «сомнения О. Г. Чайковской в капиталистическом характере эксплуатации» горнорабочих (стр. 136), подходит к вопросу более осторожно и не без оснований дифференцирует различные специальности горнорабочих (забойщики и вспомогательные рабочие) в зависимости от форм получаемой ими заработной платы.

Но и А. Д. Эпштейн допускает, на наш взгляд, ошибку, утверждая, что «оплата забойщиков сохраняла свою рудиментарную форму: забойщик «продавал» поднятую на-гора породу». Между тем данные горных статут⁴⁶ и некоторых других материалов относительно заработной платы рабочих⁴⁷ наглядно показывают, что подавляющее большинство наемных рабочих, в том числе и рудокопов, получало заработную плату, чаще всего повременную. Лишь иногда рудокопы получали сдельную заработную плату.

Правда, на горных промыслах имелось немало горняков, которые действительно являлись владельцами добытой руды. Формально это были не наемные рабочие, а самостоятельные мелкие производители; самостоятельность их, однако, была весьма призрачной, фактически они являлись наемными рабочими со сдельной заработной платой, размер которой определялся в соответствии с весом добытой руды. И в этом случае, как правильно отметил А. Д. Эпштейн, самый акт купли-продажи действительно являлся фикцией, ибо возможными скупщиками руды были либо предприниматели, либо (гораздо реже) казна. Иногда «старательством» занимались и наемные рабочие, нуждавшиеся в дополнительном заработке и разрабатывавшие месторождения на свой риск и страх, однако совершенно независимо от своей основной работы на частновладельческих предприятиях, где за свой труд они получали заработную плату.

Было бы, однако, также ошибкой представлять себе горные предприятия Германии XV—XVI вв. сплошь капиталистическими — вывод, к которому подводит читателя, например, М. М. Смирин (стр. 89, 90, 91). Нельзя забывать о том, что крупные горные предприятия являлись далеко не единственной формой организации производства. Целый ряд доказательств убеждает в том, что данная стадия развития горной промышленности характеризуется многообразием форм промышленной органи-

⁴⁶ См., например, горные статуты Саксонии («Das sächsische Bergrecht des Mittelalters»), Гарца (W. Möllenberg. Указ. соч.) и Тироля (St. Worms. Указ. соч.).

⁴⁷ См. St. Worms. Указ. соч., стр. 101, а также M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 162—163.

зации, наличием наряду с относительно крупными, капиталистическими предприятиями массы мелких заведений ремесленного типа в виде «старателей»-одиночек, о которых говорится в труде Агриколы⁴⁸ и в некоторых горных статутах⁴⁹, в виде горнодельческих артелей рудокопов, так называемых «Lehenhauer» и т. п.

Между тем вопросу о мелком производстве М. М. Смирин не уделил никакого внимания. Хотя в его задачу входило лишь рассмотрение «уровня капиталистических элементов» (стр. 85), тем не менее без исследования вопроса о мелком производстве невозможно правильно понять некоторые явления в развитии горной промышленности. Игнорирование этого вопроса может лишить исследователя возможности правильно определить удельный вес и степень зрелости капиталистических отношений и привести к излишней модернизации средневековых отношений. Наоборот, исследование этого вопроса позволяет вскрыть всю фантастичность модернизаторских утверждений некоторых буржуазных ученых, подобных заявлению Я. Штридера о наличии в горных промыслах Германии в XV—XVI вв. картелей и синдикатов.

Анализируя источники конца XV и XVI в., мы обнаруживаем наряду с крупными предприятиями мануфактурного типа две первоначальные, уже отмеченные выше, можно сказать, докапиталистические, ремесленные формы организации добычи руды — Lehenhauer и «старателей». Этот слой мелких самостоятельных производителей был довольно многочисленным. Так, в 1556 г. в рудниках Фалькенштейна было занято 972 Lehenhauer, в рудниках Раттенберга к 1590 г. — свыше тысячи⁵⁰.

Участки для разработки Lehenhauer получали от заводчиков. Обычно им предоставлялось и право пользования некоторыми орудиями труда (например, ручным воротом). Из всего количества добытой руды они обязаны были отдавать казне 10% в качестве «рудного оброка» (Frohne), 55% — заводчикам, оставшиеся 35% добычи составляли их доход⁵¹. Добытую руду они продавали горнозаводчикам. Размер добычи каждого Lehenhauer был невелик, и ее реализация в лучшем случае могла обеспечить лишь потребности его семьи⁵².

Что касается «старателей», то ими, повторяем, нередко являлись сами наемные рабочие⁵³.

Таким образом, горная мануфактура того времени далеко еще не охватила всего производства. В изучаемый период капиталистические отношения были еще незрелыми, они только зарождались.

В свете всего вышеизложенного мы не можем присоединиться к выводу М. М. Смирин о том, что «если по состоянию своей горной промышленности Германия в первые десятилетия XVI в., по мнению историков и экономистов, превосходила все страны Европы, то это превосходство заключалось не только в большом количестве добывавшейся тогда руды, но и в том, что в Германии в то время четко определились черты капиталистического уклада в этой отрасли промышленности» (стр. 93).

Ни о каком превосходстве горного дела Германии по сравнению с другими странами Европы, с точки зрения наличия «капиталистического уклада», по нашему мнению, не может быть и речи. Процесс зарождения капиталистических отношений в рассматриваемой отрасли промышленности протекал в то время не только в Германии, но и в других странах Европы. Так было прежде всего в Чехии⁵⁴, затем в Венгрии (в известных

⁴⁸ G. Agricola. Über Bergwerk. Berlin. 1928, S. 17.

⁴⁹ См., например, § 85 Аннабергского горного статута 1509 года («Das sächsische Bergrecht des Mittelalters», S. 193).

⁵⁰ M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 65, 162—163.

⁵¹ «Codex», № 1106, стр. 240; № 1123, стр. 257; № 1105, стр. 237; № 1118, стр. 254.

⁵² L. Scheuermann. Указ. соч., стр. 232, 431—433; см. также стр. 391.

⁵³ G. Agricola. Указ. соч., стр. 17.

⁵⁴ В этой связи вряд ли правомерно для доказательства превосходства горной промышленности Германии над соседними странами опираться, как это делает

Нойзольских рудниках Фуггеров), в Польше, Штирии, Каринтии, Крайне, в Испании с ее знаменитыми ртутными рудниками Фуггеров в Альмадене⁵⁵. Преимущество Германии перед другими странами заключалось прежде всего в ее богатых природных ресурсах в виде месторождений полезных ископаемых, а также в наличии значительных денежных капиталов и свободной рабочей силы, создававших в горном деле Германии более широкую основу для капиталистического производства, чем в других странах.

Однако констатация самого факта зарождения капиталистических отношений, достаточная в известной мере для подтверждения тезиса об экономическом подъеме Германии в конце XV — начале XVI в., еще, конечно, не дает ответа на другой, более важный и непосредственно интересующий нас вопрос — о характере Реформации и Крестьянской войны. Проблему Реформации и Крестьянской войны, как первой буржуазной революции, вероятно, невозможно решить без выяснения неизбежно возникающего при этом вопроса о становлении буржуазии как нового общественного класса.

Можно ли говорить о вполне сложившемся в начале XVI в. классе национальной немецкой буржуазии? В частности, можно ли считать немецких горнопромышленников этого периода определенной частью такого уже сформировавшегося класса? Безусловно, нет.

Подобно тому как зарождавшиеся в недрах феодализма капиталистические отношения отличались еще незрелым характером, так и сама буржуазия находилась в тот период в процессе формирования. Процесс этот, будучи вообще очень сложным, протекал в отдельных странах по-разному и неодновременно. Если, например, английская буржуазия как класс сложилась в основном к середине XVII столетия, а французская — примерно к концу XVIII, то немецкая буржуазия, как отмечал Энгельс, «явилась слишком поздно. Ее расцвет пришелся на тот период, когда буржуазия других западноевропейских стран в политическом отношении уже приходит в упадок»⁵⁶.

О буржуазии Германии как вполне сложившемся классе «можно говорить лишь с начала XIX века»⁵⁷. В равной степени это относится и к той части буржуазии, которая была занята в сфере горной промышленности. Немецкие предприниматели XVI столетия, в том числе германские горнопромышленники, являлись определенной частью лишь нарождавшегося тогда класса буржуазии, который существовал еще в среде отдельных классов и сословий распадавшегося феодального общества — прежде всего в среде бюргерства и патрициата, а также дворянства и даже духовенства.

Немецкие горнопромышленники XVI в. так же, как и немецкое крупное бюргерство вообще, являлись лишь историческими предшественниками немецкой буржуазии, которые вместе с тем уже, конечно, успели проникнуться буржуазными тенденциями и объективно положили начало тому пути, по которому в дальнейшем совершалось развитие буржуазии.

Есть ли у нас основания считать немецких горнопромышленников

М. М. Смирин, на сочинение Иоганна Матезия. Кстати, М. М. Смирин не приводит названия этого, несомненно, ценного, но еще недостаточно глубоко использованного труда, представляющего собой проповеди, произнесенные Матезием в 1562—1563 гг. среди горнорабочих Яхимова (Чехия) (J. Matthesius. Bergpostilla oder Sarepta. Joachimstälischen kurz den Chroniken bis auff's 1578 Jahr. Nürnberg. 1587). Никакого отношения к горной промышленности Германии не имеет и приводимая М. М. Смириньим Иоахимстальская (Яхимовская) хроника 1562 года.

⁵⁵ См., например, К. Халбер. Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien. «Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Berlin. 1894.

⁵⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, стр. 7—8.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 48.

той силой, которая была кровно заинтересована в ниспровержении феодального строя? Ставя этот вопрос, мы вовсе не хотим умалить роли мощной антифеодальной борьбы широких народных масс в революционном конфликте 1525 г., как это делал, например, Лассаль, взгляды которого, как известно, подверглись справедливой критике со стороны Энгельса⁵⁸.

Безусловно, крестьянские и плебейские массы были основной движущей силой этого грандиозного общественного движения в Германии. Однако роль гегемона в ранних буржуазных революциях, как известно, играла буржуазия — знаменосец новых, капиталистических производственных отношений, ибо пролетариат в то время еще только зарождался, а крестьяне в силу известных причин⁵⁹ «одни не в состоянии были произвести революцию»⁶⁰. Но являлись ли немецкие горнопромышленники той оппозиционной силой, существование которой стало уже несовместимо с феодальной системой и которая стремилась к радикальной ломке феодальных производственных отношений? Конечно, нет.

В этом нетрудно убедиться при знакомстве с некоторыми материалами, до известной степени позволяющими нарисовать социальный облик горнопромышленников. В числе последних были феодалы-землевладельцы⁶¹, территориальные государи (независимо от их коронных прав на недра и вытекающих отсюда доходов)⁶², нередко целые дворянские семьи⁶³, отдельные представители которых являлись придворными королеванных правителей, их советниками, а также гофмаршалами.

В некоторых товариществах германские государи располагали десятками паев. Так, в товариществе «Маркс — Землер — Эрштолен» из всех 127 $\frac{1}{3}$ пая на долю курфюрста Саксонского приходилось 32 пая, то есть более 25% общего количества паев⁶⁴; доля паев, принадлежавших дворянам, составляла около 10% (12 паев). Таким образом, в отдельных товариществах удельный вес феодальных элементов по числу паев превышал $\frac{1}{3}$.

В числе горнопромышленников находились и такие представители и защитники феодального общества, как духовенство, иногда его «аристо-

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 113.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 181.

⁶⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 31.

⁶¹ Например, из 43 пайщиков одного товарищества по добыче ртути в Идрих (Крайна) 7 являлись дворянами; из числа крупных горнозаводчиков Тироля в конце XV — начале XVI в. можно назвать следующих дворян: Ганса фон Шлеппенберга, Бартоломея фон Риттера, генуэзца Антона фон Росс. В Шнееберге (Саксония) в числе пайщиков-землевладельцев в XV—XVI вв. мы видим Георга фон Планитца, Николая фон Энде, Ламбрехта фон Альтензее и многих других (M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 283—284; «Codex», № 57, стр. 331—332; Chr. Melzer. Указ. соч., стр. 128—129; J. Strieder. Studien, S. 352—353).

⁶² Так, в XVI в. герцог Мориц Саксонский имел пай в горных паевых товариществах Шнееберга, курфюрст Саксонский Август — в товариществах Фрайберга, Аннаберга, Шнееберга и др.; графы Мансфельда владели паями в рудниках Гарца, а герцогам Вюртемберга принадлежали даже целые рудники, например, рудники «Шелькопф» (1560 г.) и «Хауз Вюртемберг» (1567 г.) K. F. Mosch. Zur Geschichte des Bergbaues in Deutschland. Liegnitz. 1829. 2 Teil, S. 85; см. также G. Schmöller. Die deutsche Bergwerksverfassung vom 1400—1600. «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich». 15 Jahrgang. Heft 1—4, S. 6 (968); E. Geiß. Указ. соч., стр. 83; C. Neuburg. Goslars Bergbau bis 1552. Hannover. 1892, S. 129; M. Schnürlein. Geschichte des Württembergischen Kupfer- und Silbererzbergbaues. Ein Beitrag zur Geschichte des Frühkapitalismus in Württemberg. «Neue Forschungen», № 23. Stuttgart. 1921, S. 9, 10, 31—32, 93.

⁶³ Например, в 1579 г. в горном паевом товариществе «Маркс — Землер — Эрштолен», имевшем предприятия в Шнееберге (Саксония), фигурируют два представителя семейства фон Шёнберг — Лоренц и Вольф. В одном из товариществ Идрих (Крайна) по разработке ртути (1572 г.) в числе пайщиков перечислено несколько представителей одного и того же дворянского рода. (Chr. Melzer. Указ. соч. стр. 128—129; J. Strieder. Studien, S. 352—353, 463—474; M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 283—284; «Codex», № 57, S. 331—332).

⁶⁴ Chr. Melzer. Указ. соч., стр. 128—129.

кратический класс» (Энгельс) — архиепископы, епископы и другие крупные сановники церкви⁶⁵.

Очень большую роль в горных паевых товариществах играла верхушка городского общества — крупные купцы, являвшиеся членами городских советов, а нередко бургомистрами, — так называемые «благородные», то есть «сильные своим богатством, своим традиционным, признанным императором и империей аристократическим положением»⁶⁶, среди них на первом месте — крупные купцы Лейпцига, Аннаберга, Фрайберга, Дрездена, Нюрнберга, Аугсбурга и других городов. Так, в конце XV в. крупным пайщиком горных товариществ Шнееберга (Саксония) являлся бургомистр Лейпцига Людвиг Шейбе. Несколько позднее его сменил Вольф Видеманн, владевший, помимо паев горных предприятий, целыми металлургическими предприятиями в Мансфельде. Бургомистр Лейпцига Иероним Лоттер имел собственные плавильни в Гайере и Эренфридерсдорфе, а в первой половине XVI в. — в Мансфельде⁶⁷. Бургомистр Фрайберга Стефан Альнпек владел горными предприятиями в Альтенберге, а бургомистру Аннаберга Георгу Менделю лишь в одном руднике принадлежало 64 пая, то есть половина паев данного предприятия⁶⁸.

Из числа членов городских советов, являвшихся крупными предпринимателями в горной и металлургической промышленности, можно назвать таких представителей Лейпцига, как рентмейстер Ганс фон Лаймбах, Ульрих Майер, Якоб Блазбалг, Ульрих Линтахер⁶⁹. Представитель Аннаберга Иоганн Кюршнер имел в 42 товариществах в общей сложности 128 паев⁷⁰.

В рассматриваемый период сами горнопромышленники еще многими нитями были связаны с феодальным государством. Этот слой немецкого общества продолжал богатеть и усиливаться в известной мере под покровительством государственной власти. Интересы горнопромышленников в какой-то степени совпадали с интересами феодального государства. Не говоря уже о том, что нередко предприниматели имели общие, взаимные интересы с отдельными территориальными государями как компаньоны, совладельцы предприятий⁷¹, сама государственная власть стояла на страже интересов германских предпринимателей, удлиняя рабочий день и сокращая размеры заработной платы. «Нарождающейся буржуазии, — писал К. Маркс, — нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала»⁷².

В своей законодательной политике государственная власть защищала не только интересы горнопромышленников, но и руководствовалась при

⁶⁵ Так, монастыри в Грюнгейме и Ауэ (Саксония) имели пай в горных товариществах Шнееберга (S. Sieber. Указ. соч., стр. 83). В конце XV — начале XVI в. епископ Бриксена владел паями горных предприятий в Клаузене, Штерцинге и Шнееберге (Тироль), епископы Вердена и Лüneбурга в это же время участвовали на паевых началах в добыче руды в Госларе (M. Wolfstrigl-Wolfskron. Указ. соч., стр. 241, 283—284, 356; C. Neuburg. Указ. соч., стр. 329).

⁶⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 26.

⁶⁷ E. Kroker. Указ. соч., стр. 134; W. Möllenberg. Die Eroberung des Weltmarkts durch das Mansfelder Kuper. Gotha. 1911, S. 8 (в дальнейшем — W. Möllenberg. Eroberung); Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 125. См. также W. Möllenberg. Eroberung, S. 96.

⁶⁸ J. Strieder, Studien, S. 224, 231, 255; Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 138, 139.

⁶⁹ E. Kroker. Указ. соч., стр. 134. См. также W. Möllenberg. Eroberung, S. 8; Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 125.

⁷⁰ Th. G. Werner. Указ. соч., стр. 138, 139.

⁷¹ W. Möllenberg. Eroberung, S. 11, 25, 96. См. также W. Müsk. Urkundenbuch des Mansfelder Bergbaues. Eisleben. 1910, № 279, S. 373.

⁷² К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 741.

этом своими собственными интересами, поскольку с увеличением прибыли предпринимателей соответственно увеличивался и доход казны в виде различных поборов, феодальных по своей природе («рудный оброк», «обмен»).

Таким образом, налицо тесная взаимная связь горнопромышленников и государственной власти. Об этом же свидетельствует и тот факт, что горнопромышленники нередко получали от казны различные высокие административные посты и становились высшими чиновниками территориальной горной администрации ⁷³.

Все это дает основания предположить, что в рассматриваемый период подавляющее большинство немецких горнопромышленников еще довольно тесно было связано с феодальным строем и, естественно, не могло быть заинтересовано в его уничтожении. Напротив, эта «стоящая на почве закона» и «весьма обеспеченная» (Энгельс) прослойка немецкого общества все еще процветала в известной степени под сенью феодальной системы. Но вместе с тем немецкие горнопромышленники были частью того класса, который олицетворял собой «дальнейшее развитие производства и обмена» ⁷⁴.

Видное место в дискуссионных статьях занимает истолкование высказываний Энгельса по вопросу о германской экономике XV—XVI веков.

Наибольшие недоумения вызывает в этом отношении статья О. Г. Чайковской. В соответствии со своей концепцией отрицания буржуазной революции автор пытается доказать, будто Германия была одной из «феодально-отсталых стран Западной Европы» (стр. 130, 143), искажая при этом смысл якобы противоречивых, по ее мнению, высказываний Энгельса (стр. 132).

То, что в относящихся к совершенно разному времени высказываниях Энгельса нет никаких противоречий (при всем действительном различии его оценок уровня экономики Германии XV—XVI вв.) и что следует больше считаться с его более поздними высказываниями, основанными на более свежих материалах, достаточно убедительно показал уже А. Д. Эпштейн. Новейшие исследования, построенные на материалах, большей частью еще неизвестных в период жизни и деятельности Энгельса, неоспоримо свидетельствуют о капиталистических отношениях в ряде отраслей производства (в горной, металлургической, текстильной промышленности, в судостроении) и целиком подтверждают высказывания Энгельса об экономическом подъеме Германии в рассматриваемый период.

В своем стремлении доказать экономическую отсталость Германии О. Г. Чайковская, по существу, искажает смысл более поздних замечаний Энгельса. Например, известное высказывание Энгельса об экономическом преобладании Германии в Европе в письме К. Каутскому от 15 сентября 1889 г. Чайковская комментирует так, будто «Энгельс говорит не об уровне и характере производства в Германии и не о зарождении в ней капиталистических элементов, а о добыче золота и серебра — факте, несомненно, способствовавшем обогащению бюргерства, но не означавшем еще изменения в сфере производства» (стр. 137).

Это не совсем верно. Правда, мы вовсе не отрицаем большого значения и огромной роли благородных металлов в подъеме экономики страны. Но нельзя упускать при этом из виду, что в самой горной промышленности зарождались капиталистические отношения, — это факт, как раз означавший, вопреки утверждению О. Г. Чайковской, «изменения в сфере

⁷³ Так, например, в 1474 г. известный богатый бюргер Цвиккау и крупный горнозаводчик Мартин Рёмер был назначен казной на должность берггаупмана в рудниках Шнееберга (Саксония). О. Норре. Указ. соч., стр. 25; ср. стр. 7, 8, 26, 31, 55, 91.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 441.

производства». И хотя Энгельс действительно не говорит здесь о зарождении капиталистических элементов в горной промышленности, тем не менее он, безусловно, знал об этом хотя бы из серии статей К. Каутского, печатавшихся еще в 1889 г. в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die neue Zeit»⁷⁵ и частично вошедших впоследствии в его книгу «Предшественники новейшего социализма».

Если Энгельс имел в виду громадный объем добычи благородных металлов, то, несомненно, он был убежден и в том, что подобные значительные масштабы добычи являлись лишь следствием капиталистической реорганизации производства, а не результатом «производства, не вышедшего за рамки цехового ремесла», как полагает О. Г. Чайковская (стр. 143).

В противоположность О. Г. Чайковской, тщетно пытающейся доказать экономическую отсталость Германии и, в частности, преуменьшить уровень развития горной промышленности, М. М. Смирин преувеличивает рост горной промышленности, а также ее роль в истории Германии. Так, искажая мысль Энгельса, М. М. Смирин неосновательно считает бурный рост этой отрасли производства причиной Реформации и Крестьянской войны (стр. 85).

Как известно, Энгельс в письме К. Каутскому писал, что добыча золота и серебра «оказалась последним толчком, поставившим экономически Германию в 1470—1530 гг. во главе Европы и тем самым сделавшим ее средоточием первой буржуазной революции в религиозном облачении, т. е. так называемой реформации. Она оказалась последним фактором, когда дело дошло до сравнительно высокого развития цехового ремесла и посреднической торговли...»⁷⁶.

М. М. Смирин же, вопреки этому совершенно ясному высказыванию Энгельса, считавшего, как мы видим, добычу благородных металлов лишь «последним толчком» и «последним фактором» в числе прочих факторов, приписывает Энгельсу ту мысль, будто «в бурном расцвете горной промышленности Саксонии и Тюрингии» он «видел причину того, что Германия сделалась ареной и центром первого акта буржуазной революции» (стр. 85).

Наряду с вопросом об уровне экономики предреформационной Германии в дискуссионных статьях рассматривается и неразрывно связанный с ним теоретически важный вопрос о первой буржуазной революции. При этом исследователи заняты в основном анализом высказываний классиков марксизма-ленинизма, большей частью замечаний Энгельса. Как, по нашему мнению, следует понимать смысл неоднократных высказываний Энгельса о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии? Хотя Реформацию Энгельс неоднократно называл буржуазной революцией, тем не менее он вкладывал в это понятие, по-видимому, не тот смысл, который придаст ему, например, М. М. Смирин.

Известное высказывание Энгельса о «трех крупных решающих битвах» против феодализма не следует понимать так, будто Реформация в Германии представляла собой настоящую буржуазную революцию, наподобие английской буржуазной революции XVII или французской конца XVIII века. В данном случае Энгельс, очевидно, намечает три исторических этапа борьбы европейской буржуазии против феодализма, каждый из которых по своим задачам и конечным результатам отличался значительно более высоким уровнем развития, чем предшествующий.

Первая из названных Энгельсом битв являлась, надо полагать, са-

⁷⁵ К. Каутский. Die Bergarbeiter und der Bauernkrieg (vornämlich in Thüringen). «Die neue Zeit». 7. Jahrgang Stuttgart. 1889.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 148.

мым низшим, начальным этапом в истории длительной борьбы европейской буржуазии. Он начался в Германии, распространившись затем в ряде других стран Европы. В этом смысле Энгельс отмечал, что «Реформация — лютеранская и кальвинистская»⁷⁷, или, иными словами, «буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода» «была более европейской, чем английская, и распространилась в Европе гораздо быстрее, чем французская»⁷⁸, охватив Швейцарию, Голландию, Шотландию, Англию, Швецию и Данию.

Реформация в Германии представляла собой эпизод великих событий в Европе, часть общеевропейской Реформации — первого акта борьбы европейской буржуазии против феодализма. На данном этапе нарождавшаяся буржуазия, еще слишком слабая, чтобы установить свое политическое господство, выступала еще не против феодального строя в целом, а призывала лишь «к бунту против церкви», к борьбе с этим «крупным интернациональным центром феодальной системы»⁷⁹.

Особенностью этого низшего этапа борьбы нарождавшейся буржуазии против феодализма являлось то обстоятельство, что эта борьба «сообразно духу времени» велась, как неоднократно отмечал Энгельс, «в религиозном облачении», в то время как французская буржуазная революция впервые совершенно сбросила с себя «религиозные одежды».

Энгельс не ставил знака равенства между Реформацией и буржуазной революцией. По его мнению, в Германии имела место «бюргерская, религиозная революция»⁸⁰, одержавшая «известный успех» в борьбе с феодальным мировоззрением, «тогда как успех буржуазного содержания достался на долю следующего столетия и на долю стран, расположенных по возникшему к тому времени новому направлению мирового рынка, — Голландии и Англии»⁸¹.

Энгельс видел в Реформации победу новой религии, а стало быть, и новой идеологии, отражавшей социально-политические нужды и запросы нарождавшейся буржуазии.

О том, что под «буржуазной революцией № 1» Энгельс, по нашему мнению, понимал победу реформационного учения, то есть нового, буржуазного мировоззрения в ряде европейских стран, свидетельствует сопоставление следующих его высказываний:

«Реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода». Эта «революция № 1» «победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции (уже при Густаве Ваза) и в Дании...»⁸².

Совершенно очевидно, что в этих странах победила не буржуазная революция, а новая идеология, идеология нарождавшейся буржуазии.

Реформация пробила крупную брешь в здании феодализма, закрепила победу нового мировоззрения, ставшего идейным знаменем борьбы буржуазии против феодализма, и впервые показала силу зарождавшегося нового класса.

Тем не менее у нас нет оснований считать Реформацию и Крестьянскую войну настоящей буржуазной революцией в полном смысле этого социально-экономического понятия.

⁷⁷ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 163.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 93; ср. также Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 34.

⁸⁰ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 166.

⁸¹ Там же, стр. 152.

⁸² Там же, стр. 163—164.